

О творчестве Блока

А. Блок

Поэт должен определить свой путь и следовать своему выбору согласно времени и совести...

В сознании долга, великой ответственности и связи с народом и обществом, которое произвело его, художник находит силу ритмически идти единственно необходимым путем. Это — самый опасный, самый узкий, но самый прямой путь. Только этим путем идет истинный художник. На нем испытывается его подлинность... Здесь только можно узнать, руководит ли художником *долг* — единственное проявление ритма души человеческой в наши безрадостные и трудовые дни, — и только этим различаются подлинное и поддельное, вечное и не вечное, святое и кощунственное.

Писатель — растение многолетнее. Как у ириса или у лилии росту стеблей и листьев сопутствует периодическое развитие корневых клубней, — так душа писателя расширяется и развивается периодами, а творения его — только внешние результаты подземного роста души.

С. Фадеев

Александр Блок жил и творил на рубеже двух миров — в эпоху подготовки и осуществления Октябрьской революции. Он был последним великим поэтом старой, дооктябрьской России, завершившим своим творчеством поэтические изыскания всего XIX века. И вместе с тем его именем открывается первая, заглавная страница истории русской советской поэзии.

Творчество Блока выразило переживания человека, задыхающегося в атмосфере безвременья, человека, «блуждающего меж двух революций», но упорно ищущего свой «путеводительный маяк». Блок хотел, чтобы все его творчество рассматривалось как единый роман в стихах. Он разделил свою поэзию на три тома, каждый из них выстроил как эстетическое и идейное единство. Том слагается из разделов, каждый из которых тоже художественно замкнут и закончен. И в основе этой сложной выверенной системы лежит отдельное стихотворение с такими блоковскими жемчужинами, как «Вхожу я в темные храмы...», «Незнакомка», «Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам маяться?..»

Однажды Блок назвал свое творчество трилогией вочеловечения. Ответственные слова. Богословы говорят о вочеловечении Христа, в другой связи это слово обыкновенно не употребляется. Блок хотел выразить мысль о трудном пути его лирического героя, о встававших перед ним соблазнах, о страданиях, которые пришлось ему претерпеть, о предчувствии мученической кончины.

И. Роднянская

«Не называйте поэтов пророками, потому что этим Вы обесцените великое слово. Достаточно называть их тем, что они есть, — поэтами». (*Из письма А. Блока О.А. Кауфман, 1916*).

Такие поэты, как Блок, рождаются накануне великих перемен — когда их родина вступает на новую дорогу, тесно связанную с судьбами остального человечества. Они приходят с тем, чтобы вобрать в себя исторические условия многих деятелей, возвести их, наложив отпечаток своего личного дара, «в перл созданья», сохранить от распыленья и утраты и ввести в будущее. Сразу и завершители, и зачинатели, они соединяют времена, рано или поздно сами становятся символами и увенчиваются народной благодарностью.

С середины прошлого века по наши дни Блок стоит как бы в центре поэтического притяжения. В нем воскресли и подали друг другу руки гениальные поэты — Некрасов и Фет. В нем нашли свое совершеннейшее художественное оправдание «малые» поэты — Полонский, Апухтин, Ап. Григорьев, В. Соловьев, учитель Блока.

Блок пришел в двадцатый век с пушкинской миссией. Но, несмотря на свой миро-объемлющий дар, не до конца отдал ей силы, ибо всю жизнь был томим иным чувством посланничества. И лишь «уходя в ночную тьму», объединил он пушкинское и свое призвание поэта и заговорил о союзе, в веках связующем «сыновей гармонии». Но Блок раскрыл читателю новую ситуацию: поэт не хочет больше жить только жизнью слова, он страстно желает поднять ввысь слишком отяжелевший мир, встряхнуть «его оцепененье...» пусть даже ценой собственной гибели.

К. Федин

Три четверти века прошло со дня рождения Александра Блока. Почти половину этого времени, с августа 1921 года, мы живем без Блока, без поэта, который высится на историческом рубеже двух эпох — России царской и России революционной, Советской.

В этом слове — высится — нет преувеличения. Никто из русских поэтов, которые дошли из прошлого до грозного и великого семнадцатого года, не поднялся столь высоко в сознании читателя, не занял такого места в истории нашей поэзии тех лет, не стоит так прямо, стройно и прекрасно в нашем представлении, как поднялся и стоит Александр Блок.

Новая русская поэзия начала расти тогда, когда поэзия Блока впервые прозвенела бронзовым звуком революционного голоса:

Революционный держите шаг!
Неугомонный не дремлет враг!

Он был первым поэтом, неотъемлемым от завершающего периода старой русской поэзии, и стал первым поэтом, неотъемлемым от начальной главы поэзии новейшей — поэзии Октября.

Я видел тогда Александра Блока и вижу его сейчас очень большим, громадным.

Красота его веры в свои слова была покоряющей. Весь облик его был музыкален; так же, как мне кажется, что стихи и проза его полны музыкальности, потому что музыкальна вся его личность.

Перед сознанием его личности не могли устоять люди самого различного поэтического ключа, — об этом мы знаем по множеству свидетельств, это видел я на Горьком, старшем современнике Блока, с восхищением говорившем о его благородстве.

Блок оставил нам живое поучение, как наследие истории, свою трагедию, свою печаль сердца и вместе с тем — свой восторг духа, свою страсть, запечатленные в поэме и стихах первой поры Октября.

Одним из его спутников, его старым другом Андреем Белым, было тогда просто выражено то, что осознавалось обществом в дни утраты: «в созвездии (Пушкин, Некрасов, Фет, Баратынский, Тютчев, Жуковский, Державин, Лермонтов) вспыхнуло: Александр Блок...»

Другими словами: великая поэзия наша пополнилась новым великим поэтом...

Александр Блок — поэт трагический. Он поэт борьбы между светом и мраком, поэт неистощимого столкновения нового со старым, поэт, выпестованный миром гибнущим и подхваченный тем вихрем, в шуме которого рождалась революция.

Он вырос в среде дворянско-буржуазной интеллигенции, жил, действовал, творил в ее искусстве, был сыном ее века. Но он отличался от других ее, даже талантливых, людей искусства тем, что не только разглядел ее обреченность, но и с изумительной ясностью увидел ее близкую смерть.

Больше того — он ощутил всем своим существом неизбежность полной смены эпох: как поэт он обрек на гибель время, которому принадлежал, и воспел победу другого времени, которое породило Советскую страну.

Но богатство его чувств, бурность его мироощущения, противоречие его мыслей — все это пронизывалось, просвечивалось отражениями, молниями революционной борьбы. Он не бежал этих молний, не закрыл взора от ослепительных вспышек.

Его проникновенная близость к судьбам родины, как бы ни были они трудны, держала его дух в непреходящей работе. И, я думаю, эта работа, это видение судеб родины и сделало его образ, каким мы его знаем, — прямым, с приподнятой головой, медлительно говорящим Александром Блоком...

Когда в душной передней толпились около вешалок, тесня со всех сторон Блока, к нему протолкался старый публицист, из тех, что составляли внутренний лик Дома литераторов. С очевидным удовлетворением, но с болезненной миной он посочувствовал Блоку:

— Какой вы шаг сделали после «Двенадцати», Александр Александрович!

— Никакого, — ровно и строго отозвался Блок. — Я сейчас думаю так же, как думал, когда писал «Двенадцать».

Он сказал это так, что искусителю не пришло даже в голову его оспаривать. Возможен ли был с ним спор вообще... Блок был целен: он слушал музыку мира, нераздельную с музыкой революции, и для него это была единая жизнь поэта, трагедия, которая продолжалась, которая подходила к концу. Все, что он писал до исхода своих дней, писалось так же, как «Двенадцать», — с неотступной яростью и с непреходящей печалью сердца...

В годовщину смерти Пушкина Александр Блок произнес на собрании в Доме литераторов речь «О назначении поэта».

Речь содержала утверждение трагической роли поэта и Пушкиным лишь обосновывала главные мысли. Поэт — сын гармонии, гармония же — порядок мировой жизни, — это начальное положение придало речи общественную остроту, исключительную даже для Блока. По виду ярко логичная, упорядоченная, как все во внешней форме Блока, речь не только не укрощала хаоса, она раскрыла все смятение души, все отчаяние поэта. Она завершалась безотрадным выводом, что конечные цели искусства «нам не известны и не могут быть известны». И хотя в ней повторялись такие слова, как «веселые истины», «веселое имя Пушкин», «забава», «здравый смысл», она создала впечатление обреченности искусства и с ним — самого Блока.

В этом смятении, в этом отчаянии Блок был, сказал бы я, прямой, с лицом-маской, чуть окрасившимся от прилива крови, такой же тихий. Но тишина его слов прозвучала криком. И еще: тоска мучительной зависти слышалась в том, как он произносил имя Пушкина, — не мелкой зависти обойденного, конечно, ибо даже рядом с величием Пушкина Блок не был мал, а той невольной зависти, которую боль должна испытывать к здоровью.

Блоку недоставало веселости, как воздуха, легкости, как воды, и он говорил об этом с тоскою:

«Пушкин так легко и весело умел нести свое творческое бремя, несмотря на то, что роль поэта — не легкая и не веселая; она трагическая...»

...Слушая Блока, я всегда переживал бетховенское состояние трагедийных смен счастья и отчаяния, ликования молодой крови и обреченной любви и тьмы небытия. Такое чувство я переживал и тогда, когда слушал грозную речь Блока «О назначении поэта», и особенно — когда Блок читал «Возмездие» в Доме искусств. Поэма была произнесена как признание, из тех, какие высказываются, наверно, только в предчувствии смерти. Я тогда увидел Блока очень большим, громадным. И я понял, что для него искусство было вечной битвой, в которой он каждое мгновение готов был положить свою душу.

В. Назаров

Что можно в целом сказать о творчестве Блока?

В первом томе преобладает белый цвет, это том Прекрасной Дамы. До конца жизни это была любимая книга Блока. Она проникнута цельным мировоззрением, верой в грядущую встречу. В биографии Блока она соответствует трудному роману с будущей женой Л.Д. Менделеевой. Во втором томе преобладающий синий цвет. Это книга о надрывах, о трагедии крушения идеала, о душевных скитаниях. Прекрасная Дама вытеснена Незнакомкой — неотразимо-притягательной падшей женщиной, вызывающей роковую страсть, опустошающую душу лирического героя. В биографии это соответствует семейной драме, взаимному увлечению жены и друга — Любове Дмитриевны и А. Белого, другим перипетиям непростой интимной жизни Блока. В общественной жизни России (которую Блок глубоко переживал) второму тому соответствовало обострение революционного движения в 1905 году и его подавление. В третьем томе преобладает красный цвет — цвет крови и пламени. Незнакомка постепенно вытесняется Родиной, Россией. Том вобрал в себя впечатления мировой войны и двух революций 1917 года.

Сказанное — лишь самая общая схема. Поэзия Блока значительна не только своей цельностью, но и своими противоречиями. С одной стороны — это мучительные противоречия блоковского сознания, с другой, опосредованно, — противоречия русской жизни на ее изломе.

Каждое стихотворение Блока, каждая его поэма может быть прочитана изолированно. Но полного постижения смысла в этом случае ждать нельзя. Более полно смысл восстанавливается из контекста цикла, раздела, тома, «трилогии вочеловечения», из контекста символизма. В одном стихотворении читаем: «И очи синие, бездонные, Цветут на дальнем берегу». В другом: «Шлейф, забрызганный звездами, Синий, синий, синий взор». В третьем: «Ты в синий плащ печально завернулась, В сырую ночь ты из дому ушла». И только из широкого контекста поэм можно понять, что «синий» — каждый раз не просто деталь картины, а символ крушения юношеской веры в мировую гармонию, в счастливую мистическую жизнь духа.

Так, поэнное слово Блока становится не только символом, оно живет самостоятельно, звучит весомо, действует равно образу самого лирического героя. Поэтому можно сделать вывод, что Блок — крупнейший поэт-символист, оторвавшийся от узкого представления об этом течении и ставший самобытным певцом «слова, мысли, образа, духа», воплотившихся в образах Прекрасной Дамы, Кармен, Незнакомки, России.

Творчество Блока свидетельствует о том, что сознательно, открыто утверждаемая поэтом самостоятельность не только не противоречит литературной традиции, сложенной Пушкиным, Тютчевым, Фетом, Некрасовым, но и делает ее особенно ощутимой, развивает ее «особую достоверную прелесть», создает новый литературный «вкус» изменившегося читателя...

С. Маковский

Каким был Александр Блок? Мелко вьющиеся рыжеватые волосы; нос длинный, узкий, с горбинкой; глаза серые, холодно-ясные, большие, печальные; ярко нарисованные, красиво выгнутые губы. Женщины восхищались: красавец. Но больше, чем красота, поражала странная застылость лица — как изваянное. Это впечатление застылости усугублял и голос — заглушенный, однозвучный. Сам он сказал о себе:

Мой голос глух...
Черты до ужаса недвижны.

На речи он скупился, взвешивал слова, медлил с ответом, умел молчать подолгу и улыбаться, не меняя выражения глаз. Происходило ли это от горделивой замкнутости

или от застенчивости? Вероятно, от того и другого. Блок был «преисполнен» собой, верой в свое избранничество, но в то же время на людях казался робким, в себе неуверенным.

Но Блок глубоко страдал, когда убеждался, что действительность не совпадает с грезой — в его жизни, как и в жизни народной, и что сам-то он заблудился в противоречиях ума и сердца, сентиментальных чаяний и книжной мудрости, которую немилосердно прививал ему ближайший друг его и вечный соперник — Андрей Белый...

О себе он говорит в статье «Религиозные искания и народ» так:

«Родился в глухую ночь, увидел сияние одной звезды и простер руки к ней, и к ней одной... Вся жизнь для такого человека темная музыка, звучащая только об одной звезде. Для врагов он — “идиот”, “свихнувшийся”; для друзей — порою досадный однодум. Это ему надо понять: ведь он — неприятное недоразумение, он никому в мире не может угодить, ибо ничему в мире, кроме увиденной им звезды, не предана его душа. Если он поймет это — поймет и то, за что и почему его гонят; и пусть гонят».

Ощувив себя пророком, он хотел быть «гонимым»...

Уверовав в свою пророческую миссию, он писал в 1902 году З. Гиппиус:

«Чувствую «перст» и не боюсь «случая».

А шестнадцатью годами позже, окончив «Двенадцать», записал:

«Сегодня я — гений».

Но чувство высокого избранничества как-то уживалось в нем с сомнением в себе. Во всем склонный к решению абсолютному и к переходу от одной крайности в другую, он легко переходил от самовозвеличивания к самоуничижению, не жалея и в том и в другом случае громких слов. Например, в 1903 году он пишет:

Старость мне согнула плечи,
И мне смешно, что я поэт...
А годом позже такие строки:
Я безумец! Мне в сердце вонзили
Красноватый уголь пророка!

И рядом, в «Пузырях земли»:

И жалкие крылья мои —
Крылья вороньего пугала...

Блок считал, что «запечатлеть современные сомнения, противоречия, шатания пьных умов и брожение праздных сил способна только одна ... лирика». Но одновременно он считал ее «гибкой, лукавой, коварной», не закрывал глаз на «странное родство», в котором, по его словам, «находятся отравляющая лирики и ее зиждущая сила».

Н. Горбунов

Значение творчества Блока в русской поэзии переоценить невозможно. По глубокому ощущению времени и пылкости мысли, по широте кругозора и мастерству изображения тончайших переживаний Блок является одним из крупнейших русских лириков.

Блок, его поэзия, его личность, даже события его биографии были темой многих бесед его современников и остаются предметом споров сегодня. Потому что, как говорил А. Белый, «Блок умел выговорить в стихах свою центральную, нутряную, почти словами не выразимую ноту». Стихи и поэмы Блока привлекают и тем, что в них выражена глубокая и искренняя вера их автора в свою Родину. Он любит в России все: людей, природу, прошлое, настоящее и даже будущее. По словам Максима Горького, Блок был «поэтом и человеком бесстрашной искренности». Все произведения Блока подтверждают эту мысль.

Л. Гинзбург

В творчестве А. Блока есть черты, сближающие его с русской психологической литературой девятнадцатого века, и есть черты, как-то предвосхищающие дальнейшее развитие русской лирики. Недаром из деятелей символистического направления Блок — тот поэт, к которому сейчас в наибольшей мере сохранился живой читательский интерес.

Блок — поэт, взявший на себя сложное наследие русского девятнадцатого века, и он корифей «новой поэзии». Блок многостилен, и стили его восходят к разным источникам, но в то же время не многих поэтов мы узнаем с такой безошибочностью. Все темы, все традиции, все стили охвачены целостным контекстом, единством раскрываемого сознания, очень личного и очень общего.

Блоковские зори, закаты, сумраки, туманы, ветры, метели — слова-острия, наэлектризованные блоковским контекстом и потому перестраивающие все, что их окружает...

Блок — человек своего времени, и его творчество также не миновали эстетические огрехи и соблазны начала века. Побороть их поэту было трудно. Он их поборол силой своей поэтической и человеческой подлинности. Поэзия Блока вышла за пределы своего времени и до сих пор живет для нас бесстрашием открытий, высоким наследием прошлого, чувством современности и истории, строгими требованиями совести, самыми важными вопросами, какие могут стоять перед человеком.

В. Назаров

Поэмы Блока, в том числе и «Двенадцать», — величайшее достижение Блока. В них он мощно преодолел романтизм и лиризм, в совершенно новой, своей форме сравнялся с Бальзаком и Достоевским. С Бальзаком — в объективном, достигающем грандиозности изображении мерзости и порока; с Достоевским — кроме того — в духовном, пророческом видении, что в здешнем мире порок и мерзость смежны со святостью и чистотой в том смысле, что не внешняя человеческая стена, а только какая-то чудесная, незримая, внутренняя черта их разделяет — в живой человеческой душе, за которую в земном, неизбывно борются Бог и Дьявол, Мадонна и Содом.

Поэма «Двенадцать» — честнейшая попытка понять свою страну, свой народ. Не судить или оправдать, а понять. И именно в этом непреходящее значение Блока и его творчества.